

¹⁸ ГАПО, ф. 556, оп. 4, д. 6, л. 1 об.—2.

¹⁹ Там же, л. 2 об.

²⁰ Менделеев Д. И. Докладная записка С. Ю. Витте о результатах поездки на Урал для изучения Уральской железной промышленности // Менделеев Д. И. Сочинения: В 12 т. М.; Л., 1941. Т. 12. С. 68.

Материал поступил в редакцию 30.11.2006 г.

Д. С. Злобин

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОПОЛЧЕНИЕ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Русская армия в период Первой мировой войны долгое время рассматривалась в отечественной историографии лишь в плане ее «большевизации», «борьбы большевиков за солдатские массы» и в контексте тому подобных сюжетов. При этом за гранью исследования оказывались многие важнейшие аспекты обороноспособности государства, требующие всестороннего освещения. К числу таких вопросов относится вопрос о роли и значении частей государственного ополчения в русской армии в годы Первой мировой войны. Нам известна лишь одна работа, затрагивающая данный вопрос¹. Такому положению дел во многом также способствовал взгляд на ополчение как на второсортные войска, способные лишь охранять складские помещения, что не совсем верно².

Действительно, в соответствии с «Положением об устройстве государственного ополчения» на ополчение возлагалась в первую очередь задача несения охранной и караульной службы в тылу, но были у него и другие функции.

Созыв ополчения был объявлен вскоре после начала мобилизации. Формируемые ополченческие части наряду с запасными батальонами были призваны заменить части действующей армии, отправляемые на фронт.

Созванное ополчение формировалось в пешие дружины, конные сотни, артиллерийские батареи и саперные полуроты. Кроме того, в случае необходимости могли быть сформированы отдельные роты и команды. Затем ополченческие части объединялись в бригады. Каждая такая бригада, по «Положению об устройстве государственного ополчения», включала в себя шесть пеших дружин, одну артиллерийскую батарею, одну конную сотню и одну саперную полуроту³. Этот состав мог быть изменен лишь личным приказом командующего войсками округа — в тыловых военных округах или командующего армией — на театре военных действий.

ЗЛОБИН ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ — аспирант кафедры истории России Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

© Злобин Д. С., 2007

Состав всех ополченческих частей и управлений определялся штатами. Так, до августа 1915 г. действовал штат четырехротной пешей ополченческой дружины, который включал командира дружины в чине полковника, начальника хозяйственной части, адъютанта, делопроизводителя суда, четырех ротных командиров в чине капитана, шесть младших офицеров, четыре классных чина и нижних чинов в количестве 984 человек, 952 из которых были строевыми и 32 — нестроевыми⁴.

Сформированные бригады получали общую по бригадам нумерацию. Дружинам, батареям, сотням и саперным полуротам также присваивались номера по родам оружия. При этом к номеру дружины прибавлялось название губернии, из ратников которой она была сформирована. Так, 576-я, 577-я, 578-я, 579-я, 580-я и 581-я пешие дружины государственного ополчения назывались пермскими, несмотря на то, что лишь одна из них квартировала в Перми, а пять других располагались в Вятке, Екатеринбурге, Шадринске и Красноуфимске⁵. До 20 ноября 1914 г. в дислокации этих частей произошли незначительные изменения, в частности, 580-я дружина была переведена из Вятки в Верхотурье⁶. До конца 1914 г. все они были отправлены на фронт, а на их месте сформированы новые. В 1916—1917 гг. после отправки большого числа дружин на фронт на Урале оставались шесть ополченческих дружин (с 694-й по 699-ю), расквартированных в губернских центрах (Оренбург, Уфа, Вятка, Пермь), а также в Екатеринбурге и Челябинске. Все они объединялись в 56-ю ополченческую бригаду, управление которой располагалось в Пензе, а та в свою очередь входила в состав 3-го корпуса государственного ополчения со штабом в Казани⁷. Там же, в Казани, располагался и штаб самого большого в России Казанского военного округа, в который, кроме Урала, входило все Среднее и Нижнее Поволжье.

Командование ополченческой бригадой осуществлялось начальником в чине генерал-майора с правами начальника отдельной бригады. А начальнику штаба бригады в чине подполковника присваивались права командира отдельной части в полевых войсках. На все командные должности от начальников штабов до командиров рот назначались «обязанные службой в ополчении лица офицерского звания, состоящие или состоявшие в военном чине, соответствующем должности или одним чином выше...»⁸. Кандидатские списки лиц, предназначенных на командные должности в ополчении от начальника бригады до командира дружины, составлялись непосредственно в Главном управлении Генерального штаба (далее ГУГШ), а на должности начальников штабов бригад назначались числящиеся в ополчении офицеры Генерального штаба или окончившие одну из военных академий⁹.

Формирование ополченческих частей и команд осуществлялось при управлениях уездных воинских начальников из числа ратников первого разряда. Ратников второго разряда начали призывать только с 25 октября 1915 г., когда чрезвычайно остро встал вопрос о пополнении действующей армии (еще с конца августа 1915 г. значительное число ратников переводилось в запасные батальоны для подготовки к отправке в составе маршевых рот на фронт). В таком порядке призыва один из известных представителей отечественной военной науки Н. Н. Головин усматри-

вал не только социальную несправедливость, но и нарушение принципа всеобщности воинской службы, столь непоследовательно проводившегося через устав 1874 г. о всеобщей воинской повинности, а также научного подхода к комплектованию армии, так как при такой постановке дела нарушался возрастной принцип комплектования, а освобождение от военной службы значительной части трудоспособного мужского населения не могло упрочить в народных массах «сознание всеобщности долга защищать свое отечество»¹⁰. Для привлечения к военной службе ратников второго разряда потребовалось изменение действовавшего законодательства, чему предшествовало длительное обсуждение вопроса в Совете министров, Думе и Государственном совете.

Обучение ратников в дружинах осуществлялось офицерами при помощи проходивших ряды войск унтер-офицеров ополчения в соответствии со «Строевым пехотным уставом» и «Положением об обучении пехоты» 1911 г. При этом ратники, перечисленные из запаса, т. е. получившие во время прохождения действительной службы строевую подготовку, проходили курс занятий по сокращенным программам, установленным для обучения нижних чинов запаса, призываемых на учебные сборы, а ратники, зачисленные в ополчение при призыве к исполнению воинской повинности, проходили курс занятий по сокращенным программам, установленным для ратников, призываемых на учебные сборы. В «Положении об устройстве государственного ополчения» подчеркивалось, что ратники ополчения должны быть освобождены на все время прохождения учебного курса от несения караульных нарядов¹¹. Согласно ст. 36-й того же положения по окончании сроков обучения ополченческие части привлекались к несению службы соответственно возложенным на них задачам, а в необходимых случаях и ранее этих сроков (на усмотрение командующего войсками округа — в тыловых военных округах или командующего армией — на театре военных действий)¹². Среди этих задач — охрана военных и гражданских объектов, в том числе государственных и общественных учреждений, конвоирование и охрана военнопленных и т. п.

Важная роль отводилась ополченческим частям в сфере охраны железных дорог, пропускная способность которых имела колоссальное значение для своевременного снабжения и пополнения действующей армии. «Инструкция частям войск, назначенным для охраны железных дорог, пролегающих в районе Казанского военного округа, в военное время» гласила: «Для достижения полной сохранности наиболее важных жел.-дор. сооружений (мостов, водокачек, нефтяных баков и т. п.) со стороны покушений злоумышленников таковые сооружения принимаются под охрану войск с первого дня мобилизации или ранее ее — по особому распоряжению Штаба Округа. Охрана вышеупомянутых сооружений производится охраняемыми командами, которые от себя высылают... караулы, а эти последние — часовых»¹³. В инструкции отмечалось: «Выставленные на охрану жел. дорожных сооружений части войск, оставаясь в подчинении своему строевому начальству, действуют на основании “Правил о призыве войск для содействия гражданским властям”. Команданты железно-дорожных участков по отношению к войсковым

частям, выставленным на охрану и находящимся в полосе отчуждения железных дорог... несут обязанности и пользуются правами комендантов городов (§ 45 Положения о комендантах железных дорог и водных участков, объявленного в приказе по В. В. 1912 г. № 156, и § 18, 19, 20, 29 и 30 Устава гарнизонной службы)»¹⁴.

Заведующему охраной железнодорожных сооружений в районе округа предоставлялось право издавать приказы по войскам, призванным для охраны железных дорог. В этих приказах, в частности, распределялись участки дорог между ополченческими дружинами. Так, приказом по 694-й пешей Оренбургской дружине по охране сооружений стратегически важной Ташкентской железной дороги от 11 мая 1916 г. ей вменялась в обязанность охрана важнейших мостов через реки Урал, Самарка, Сакмара, Бузулук и др., а также разъездов на станциях Бузулук, Оренбург и др.¹⁵

Вместе с тем несение охранной и караульной службы не освобождало охранные команды от учебы. В приказе № 53 от 30 апреля 1916 г. по 56-й бригаде 3-го корпуса государственного ополчения, в которую входили все шесть расквартированных в этот момент на Урале ополченческих дружин, признавалось необходимым, чтобы «нижние чины охранных команд свободное время не проводили праздну, а занимались изучением уставов, наставлений (так в тексте. — Д. З.) для стрельбы и по книжкам полковника Григорьева “Сведения обязательные рядовому”. На каждую охранную команду завести для обучения поверке прицеливания по 1 зеркалу, а офицеру, заведывающему охранными командами, составить расписание занятий и представить его командиру дружины для поверки»¹⁶.

Подготовка ратников в основном соответствовала подготовке нижних чинов в запасных частях, поскольку хотя на дружинах и лежала обязанность несения охранной и караульной службы в тылу, но не исключалась и возможность их командирования на фронт. В летний период дружины ополчения, как и запасные части, отправлялись на лагерные сборы, где им на практике предстояло отрабатывать действия в рассыпном строю, научиться азам дозорной службы и т. д.

В приказе по 3-му корпусу государственного ополчения от 18 апреля 1916 г. требовалось достичь за период предстоящих сборов, чтобы ратники отлично стреляли, были вполне ознакомлены с устройством винтовки, умело и энергично действовали штыком, были подготовлены к преодолению местных препятствий при наступлении и атаке, уяснили себе сущность действий в рассыпном строю в составе звена, отделения, взвода и роты. Особо подчеркивалось, что «при современной разбросанности боевых порядков даже самым мелким подразделениям роты (звено, отделение) приходится иногда действовать самостоятельно, а потому начальники этих мелких частей роты должны твердо знать свои обязанности, понимать обстановку и должны быть приучены к разумной самостоятельности»¹⁷. Для достижения этой цели начальник штаба корпуса генерал-майор Фельдман требовал от командиров рот раз в неделю лично проводить занятия с унтер-офицерами.

Главное внимание в обучении уделялось практике, поэтому обучение обязанностям рядового в цепи и обязанностям рядового при стрельбе в составе части

рекомендовалось проводить в поле, на местности, «терпеливо добиваясь того, чтобы каждый ратник уяснил себе дело, а не зазубривал перечень этих обязанностей как попало»¹⁸.

В частях ополчения была и своя специфика, негативно сказывавшаяся на боевой подготовке солдат. Так, длительные командировки по охране железнодорожных сооружений, мостов, работающих на оборонных предприятиях военнопленных и т. д. препятствовали прохождению охранными командами систематического курса обучения. Чтобы все-таки дать им возможность пройти этот курс, рекомендовалось сменять охранные команды по истечении 6—8 недель.

Возложенная на дружины обязанность подготовки ратников для отправки в действующую армию на нестроевые должности осуществлялась слабо, так как сроки этой подготовки были крайне незначительны — до 3—4 недель. За это время их предполагалось ознакомить со сведениями, обязательными для рядовых. Так как ратники предназначались для занятия нестроевых должностей, то основное внимание в обучении уделялось строевой выправке и знанию уставов внутренней и гарнизонной службы. Стрельбы с ратниками проводились только на кучность и меткость.

По указанным выше причинам при массовой отправке ратников из ополченческих частей на пополнение убыли строевых частей действующей армии в августе-сентябре 1915 г. в связи с острейшим недокомплектом потребовалась их переподготовка, для чего они были переданы в запасные батальоны¹⁹. Одновременно с этим пешие ополченческие дружины переводились из четырехротного состава в шестиротный, что было вызвано пересмотром взглядов на запасные батальоны в связи с первоочередной потребностью пополнения действующей армии. Под впечатлением поражений и отступления русской армии из Галиции командование отрешилось от мысли, что «запасные части представляют собой обыкновенные войсковые части, которые, хотя и подготавливают укомплектования для армии, но в то же время могут служить и для обслуживания местных нужд: нести гарнизонную и охранную службу, выполнять наряды для поставки лошадей и т. п.». Отныне запасные части «существуют исключительно для обслуживания действующей армии, посему использование запасных частей для иных потребностей и целей, хотя бы таковые и имели военное местное значение, совершенно недопустимо»²⁰. Для удовлетворения этих потребностей предназначались теперь почти исключительно дружины государственного ополчения, с чем и было связано увеличение их штатов. Штат дружины был доведен до 1,5 тыс. человек, разница в штатах составила 4 офицера, в том числе 2 ротных командира и 2 младших офицера, 472 строевых и 12 нестроевых нижних чинов²¹.

Со временем ополчение в большей степени начинает использоваться на фронте — сначала для прикрытия коммуникаций, затем для решения второстепенных боевых задач (блокада неприятельских крепостей и т. п.). Наконец ополченческие дружины стали отправляться на фронт в качестве самостоятельных боевых частей или для образования из них четвертых и пятых батальонов в пехотных полках.

Согласно «Справке о дружинах, выделенных из внутренних и окраинных округов на театр военных действий», составленной мобилизационным отделом ГУГШ, уже до 1 декабря 1914 г. из 40 имевшихся в Казанском военном округе дружин 15 были выделены для отправки на фронт²². Но в боевой обстановке дружины зачастую проявляли низкую устойчивость. Причем, как отмечал бывший начальник штаба Юго-Западного фронта В. Н. Клембовский, внесший затем большой вклад в деятельность комиссии по изучению опыта Первой мировой войны, они «представляли очень слабый боевой элемент и для выполнения ответственных боевых задач были непригодны». Но вместе с тем «как обычные укомплектования убывли в строевых частях ратники оказывались немногим слабее обычных команд пополнения из молодых солдат»²³. Клембовский приводит следующие причины такой, на первый взгляд, парадоксальной ситуации:

1. Отсутствие механической выучки (муштровки) и воинского воспитания, добиться чего можно было только при длительной планомерной подготовке. Эта проблема частично решалась некоторыми войсковыми начальниками путем приучения дружин к боевой обстановке через выдерживание их последовательно в корпусном, дивизионном и полковом резервах. Только после этого они отправлялись на передовую. По оценке Клембовского, эта мера давала неплохие результаты, но из-за нехватки времени осуществлять ее удавалось не всегда.

2. Слабый в качественном отношении командный состав ополченческих дружин. Выше мы говорили о высоких требованиях, предъявляемых к офицерам ополчения. Но вместе с тем это были люди «слишком зрелого возраста... забывшие то, чему они обучались на службе и отставшие от современных требований».

3. Слабое вооружение — ратники ополчения вооружались устаревшими «берданками», а не современными магазинными винтовками. Пулеметов на вооружении дружины не имели. Число выдаваемых патронов было ограничено, а ручных гранат не имелось вовсе. Все эти недостатки «отражались на ратниках как материально, так и морально».

4. «Двойственность командного подчинения дружин». Дело в том, что дружина одновременно подчинялась и командиру пехотного полка, в состав которого она входила в качестве четвертого или пятого батальона, и своему начальнику бригады, что нарушало принцип единоначалия и негативно сказывалось на субординации²⁴.

Следует согласиться с Клембовским, что ополченческие дружины могли бы действовать на фронте с большей эффективностью при условии омоложения командного состава, улучшения вооружения, удлинения учебных сборов в мирное время и продления сроков окончательной подготовки до отправки на фронт в военное время.

Во внутренних военных округах ополчение могло привлекаться также и к решению вопроса сохранности правопорядка. На основании § 304 Устава гарнизонной службы войска могли быть призваны для содействия гражданским властям в соответствии с особыми правилами, заключенными в приложении № 2 к данному

уставу. Но это могло быть лишь в случае «крайней необходимости и при недостаточности полицейских средств»²⁵. Среди прочих причин для призыва войск, как то стихийные бедствия и т. п., в уставе фигурировала и необходимость «прекращения угрожающих общественной безопасности: народных беспорядков, массовых сопротивлений гражданским властям и насильственного похищения и разрушения имущества (разгромов)»²⁶. Надо сказать, что уже в 1916 г. такая необходимость стала возникать довольно часто. Так, 2 мая 1916 г. вспыхнувшие в Оренбурге из-за подорожания жизни и прекращения выдачи хлебного пособия от городской думы беспорядки переросли в грабежи и погромы магазинов. Из-за неспособности казачьей сотни пресечь беспорядки пришлось срочно вызывать из летнего лагеря пехотные части, в том числе 694-ю пешую Оренбургскую дружину, которые и навели порядок. Для предупреждения повторения беспорядков дружине было приказано иметь постоянно в городе дежурные роты с приданными к ним полувзводами казаков. Город был поделен на четыре участка, один из которых был поручен 694-й дружине, еще три — дислоцировавшимся в городе запасным пехотным полкам²⁷. Но если весной 1916 г. призываемые войска еще были способны навести порядок, то к концу 1916 — началу 1917 г. они все более сочувственно относятся к настроениям населения, а в февральско-мартовские дни 1917 г. даже приняли непосредственное участие в ликвидации административного и полицейского аппарата старого режима на местах. Так, в Мотовилихе два взвода ополченцев совместно с заводскими рабочими разоружили местную полицию. Весной-осенью 1917 г. личный состав ополченческих частей вместе с остальными войсками тыловых гарнизонов оказывал большое влияние на общественно-политическую жизнь Урала: военнослужащие вошли в состав всех возникающих органов новой «демократической» власти и приняли участие в организации милиции вместо ликвидированных полиции и жандармерии.

После большевистского переворота в рамках демобилизации армии ополчение было ликвидировано. При формировании Красной армии от его воссоздания было решено отказаться, так как по оценкам военных специалистов прежней русской армии, находящихся «на службе у республики Советов», его эффективность в минувшую войну была невысока. Но в данном случае правомерно ставить вопрос не о низкой боевой ценности ополчения, а об ошибочности решения командования о привлечении к решению боевых задач частей, не предназначенных для этого.

---

¹ См.: Клембовский В. О дружинах государственного ополчения (По опыту войны) // Военное дело. 1918. № 19. С. 9—10.

² См., напр.: Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Жуковский; Москва, 2001. С. 23.

³ Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО), ф. 196, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁴ Там же, л. 11—11об.

⁵ См.: Расписание запасных частей и частей государственного ополчения, находящихся внутри империи. По данным к 15-му октября 1914 г. Б. м., 1914. С. 16—18.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА), ф. 2000, оп. 2, д. 2333.

⁷ Там же, оп. 3, д. 1276, л. 91.

⁸ ГАОО, ф. 196, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁹ Там же, л. 1об.—2.

¹⁰ Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. С. 22—24.

¹¹ ГАОО, ф. 196, оп. 1, д. 2, л. 5об.

¹² Там же, л. 6.

¹³ Там же, д. 1, л. 1—2.

¹⁴ Там же, л. 6; см. также: Сборник всех воинских уставов: В 2 кн. М., 1916. Кн. 2. С. 215—217.

¹⁵ ГАОО, ф. 196, оп. 1, д. 2, л. 45, 47.

¹⁶ Там же, л. 44.

¹⁷ Там же, д. 2, л. 60.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, л. 105—106.

²⁰ Там же, л. 127.

²¹ Там же, л. 145.

²² РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1276, л. 18.

²³ Клембовский В. О дружинах государственного ополчения. С. 10.

²⁴ См.: Там же.

²⁵ Сборник всех воинских уставов. Кн. 2. С. 274.

²⁶ Там же.

²⁷ ГАОО, ф. 196, оп. 1, д. 20, л. 10.

Материал поступил в редакцию 12.11.2006 г.

Н. В. Годлевская

БОРЬБА ЗА КОНТРОЛЬ НАД ТРАНСПОРТНЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Изменения политической картины мира, обусловленные распадом СССР и образованием новых независимых государств на постсоветском пространстве, привели к формированию новой ситуации в Центрально-Азиатском регионе. Происходит трансформация Центральной Азии из периферийного региона в регион, занимающий ключевые позиции в системе политических координат евразийского пространства. Одним из важнейших факторов, повлиявших на возрастающее значение Центральной Азии и определяющих ее новую политическую роль, высту-

---

ГОДЛЕВСКАЯ НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА — соискатель Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

© Годлевская Н. В., 2007